

К ПРОБЛЕМЕ ОБ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Ф. ИСКАНДЕРА

To the Problem about the Main Features of the Russian Literary
Text of F. Iskander

Зинаида Михайловна Габуниа
abazg@hotmail.com

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Эмма Юрьевна Улимбашева
emma.ulimbashewa@yandex.ru

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Gabunia Zinaida
abazg@hotmail.com
Kabardino-Balkar State University (Nalchik, Russia)

Emma Ulimbasheva
emma.ulimbashewa@yandex.ru
Kabardino-Balkar State University (Nalchik, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 23.09.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española n° 13 (2017), 113 - 121

ABSTRACT

Our article is devoted to the features of the Russian literary text of F. Iskander as a new type of writing. It analyses typological groups of works of Russian writers, especially F. Iskander's work. Special focus was on the typology of the writer's linguistic thinking, the origins and the linguistic specificity of the ergative and nominative system of languages. In ergative languages, a special role belongs to the verbal system of language. In such cases, ergative is the origin of thought, and nominative is the designation of statements. Together they form a new type of Russian literary writing.

Key words: Iskander, literary Russian, text, origin, expression, interaction of ergative and nominative.

РЕЗЮМЕ

Наша статья посвящена некоторым особенностям русскоязычного художественного текста Ф Искандера как нового типа литературного творчества. В ней рассматриваются типологические группы творчества русскоязычных писателей, в частности Ф Искандера. Особое внимание уделяется типологии языкового мышления писателя, основы зарождения и лингвистической особенности эргативного и номинативного строя языков. В эргативном строе особая роль принадлежит глагольной системе языков. В таких случаях эргатив – зарождение мысли, а номинатив – обозначение высказывания. Совместно они создают новый тип русскоязычного литературного творчества.

Ключевые слова: Искандер, художественное русскоязычие, текст, зарождение, выражение, взаимоотношение эргатива и номинатива.

Литературное творчество Фазиля Абдуловича Искандера можно охарактеризовать как феномен, который восхитил всю русскую и мировую литературу второй половины XX века. Отечественная русская литература обрела новый тип русскоязычного художественного творчества, достигшего всеобщего признания, когда план содержания и план выражения зарождаются на разных языках, в разных образных мышлениях. Нечто неожиданное услышал читатель в произведениях Искандера. И это неожиданное приобрело свои крылья, крылья традиционной нравственной культуры и поиска нового творчества.

Наша статья посвящена некоторым особенностям русскоязычного художественного текста Ф. Искандера как нового типа литературного творчества.

Выдающиеся произведения о своем малочисленном древнем абхазском народе Искандер создавал на русском языке. И это очень хорошо, так как его произведения с русского языка переведены на все известные языки мира. Русскоязычный текст предстает как средство нового типа литературного творчества и межкультурной коммуникации, способствующее познанию иноязычной культуры носителей соответствующего языка, их менталитета и ценностей.

Основной темой творчества русскоязычных писателей остается жизнь и культура родного народа. Переход с родного языка на русский ужно воспринимать как изменение формы, однако, творя на русском языке, им пользуются для описания своего национального мира, одновременно проникаясь традициями русской литературы. Русскоязычные писатели усваивают опыт русской литературы и синтезируют его, опираясь при этом на собственные культурные традиции. Создавая произведения на русском языке, авторы других национальностей привносят в свои произведения многовековые традиции своего народа как новое видение мира.

Сегодня литературный билингвизм классифицируется несколькими типологическими группами:

- а) творчество лишь на русском языке (Г. Гулиа, Ф. Искандер, О. Сулейменов, И. Базоркин);
- б) творчество на русском и родном языках (Ч. Айтматов, И. Друцэ);
- в) авторизованный перевод русскоязычного текста (Ч. Гусейнов).

Н.Г. Михайловская, анализируя особенности русскоязычного текста заключает, что феномен художественного русского языка со всей отчетливостью проявляется на словесно-речевом уровне русскоязычного произведения национального писателя: «двуязычник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «одноязычник», на каком бы великом языке он не мыслит. Целостные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга [Михайловская 1981:40].

Проявления художественного билингвизма в индивидуальном творчестве различны, отражают деятельность писателя, «национальное самосознание –

психологическое, духовное, чувственное ощущение народа, представителем которого он является, а также предмет творческих интересов и объект художественного отражения, коллизии данной национальной действительности, предполагающие знание глубинных процессов быта, истории, нравов, традиций, исторической эволюции народов и, наконец, знание языка народов, которое представляется либо активно, либо пассивно» [Гусейнов 1987:12].

Как известно, речь – это основа национального характера, а в художественном билингвизме – это следствие национального склада мышления. В таких случаях невозможно без осмысленного синтеза двух языков, двух форм образного мышления и внутренних закономерностей.

В условиях художественного русскоязычия писатель выполняет как бы две функции: с одной стороны, он исходит из национального сознания, с другой – как бы переосмысливает факты и явления, для того, чтобы было понятно читателю, особенности национальной культуры.

К числу специфических свойств художественного двуязычия творчества Искандера относится отсутствие одноязычного соответствия плана содержания и плана выражения, так как план содержания – абхазский, а план выражения – русский.

В создании текста большую роль сыграли специфические особенности типологии языкового мышления Фазиля Искандера, истоки их зарождения и лингвистическая специфика эргативного и номинативного строя языков. Пристального внимания заслуживает глагольное управление в языках эргативного строя, куда относятся кавказские языки, для которых характерна зависимость падежей субъекта от семантического содержания глаголов. В них предложение рассматривается как некоторая система лексических, морфологических, синтаксических корреляций, которые непосредственно связаны с содержательной стороной языка, с функциями субъектно-объектных отношений. Падеж подлежащего зависит от заложенного в глаголе содержания. Тексты в произведениях Фазиля Искандера изначально мысленно зарождаются на родном абхазском языке, а средством выражения является русский язык. Известно, что в номинативных языках каждый из его главных членов предложения (подлежащее и сказуемое) управляет своим зависимым членом и получает свою грамматическую форму по занимаемому им самим синтаксическому положению.

Например, в абхазском языке слово-глагол «сеитІаналывадыртэит» (букв: меня еще раз посадили рядом с ней боком), тогда как в русском языке данный глагол абхазского языка записывается 6 словами: я к ней еще раз боком подсел, кабардинское – «сыбгъэдэгІсхъащ» (подсел, 1 слово), в русском языке обозначает «я к ней подсел». По этому поводу сам Искандер пишет: «Особенности абхазского языка состоит в том, что это действие, выраженное по-русски шестью-пятью словами, по-абхазски передается одним словом-глаголом и поэтому выразительность его в переводе несколько тускнеет» [Искандер 1991:262]. В этом плане особые трудности возникают и у переводчиков, так как синтаксическое строение эргативной и номинативной конструкции предложения разное. Прослеживая многообразие систем при типологической классификации в разных языках, Г.А. Климов отмечает, что в них рассматривается язык как некоторая целостная система лексических, синтаксических и морфологических корреляций, но в том существенном отношении,

что она непосредственно связана с содержательной стороной языка, с функциями его разноуровневых категорий, раскрывает единство языка и мышления [Климов, 1973: 97-103].

В таких случаях русский язык, являясь средством изобразительности, а национальный (родной) язык, оказывая влияние на русский язык в плане внутреннего осмысления, совместно создают новый русский язык, ориентирующийся на стихию национального. По выражению писателя и литературоведа В.Ерофеева, Фазиль Искандер «создал свой собственный литературный язык», в результате автору удается «заставить работать» русский язык – язык межнационального общения – на изображение национального, создать яркие, запоминающиеся картины жизни родного народа

Таким образом, можно предположить, что в большей степени для развития синтаксической типологии важна была сама идея о многообразии синтаксического строя языков.

В современной мировой лингвистике до настоящего времени сохраняется дискуссия о свойствах номинатива и эргатива. Однако до сих пор не выработан единый взгляд на сущность предмета типологии. Типологическое изучение данного вопроса является актуальным с учетом последних достижений науки.

Как известно, в номинативных языках каждый из его главных членов предложения (подлежащее и сказуемое) управляет своим зависимым членом, получает свою грамматическую форму по занимаемому им самим синтаксическому положению.

Произведения Ф. Искандера предстают как средства, способствующие познанию иноязычной культуры, носители соответствующего языка, их менталитета и ценностей. Все это дает возможность выделить русскоязычный художественный текст как новый тип коммуникации в русской культуре второй половины XX столетия.

Можно надеяться, что концептуальная модель русскоязычного текста в будущем займет особое место со своей множественностью направлений, дополняющих друг друга и способствующих более полному раскрытию его природы в лингвокультурологическом, социально-психологическом и антропологическом планах.

По замечанию академика Г.Г. Гамзатова, именно «эстетическая сущность духовного наследия, духовной памяти и есть та ценностная категория, в которой достоверней и убедительней всего отображается наиболее тонкий и чувствительный мир отношений людей народов, присущая им отроду тенденция к взаимопониманию и взаимоуважению» [Гамзатов, 2000:25].

Таким образом, по Ю.М. Лотману, всякий текст нуждается в слушателе, и в этом сказывается диалогическая природа сознания как такового: чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре [Лотман: 1981:10].

Художественный текст в своей основе способствует созданию подтекста. В лингвистике подтекст воспринимается как скрытая информация автора для опознания и выявления смыслов и раскрытию главных проблем произведения. В этом отношении лаконизм в произведениях Искандера - одно из главных условий создания подтекста, который имеет целью активацию процесса сотворчества автора и интерпретатора. «Отсюда следует, что декодирование подтекстового смысла (особенно иноязычного) зависит от знания общих принципов функционирования

языка в данной сфере, которые позволяют трансформировать исходные значения языковых единиц и превращать их в средство вторичной образной номинации [Васильева, 1999:41]».

Значит, понимание текста - это всегда интерпретация его на каком-либо уровне концептуальной системы коммуникантов. Именно такова ситуация, которую описывает Ф. Искандер в рассказе «Начало». Например: «...во дворе детского сада с груши падали перезревшие плоды, которые подбирали дети. Один мальчик подобрал очень красивую большую грушу, которую затем отобрала воспитательница якобы для общего обеденного компота... Но оказалось, что воспитательница в конце рабочего дня, уходя домой, уносила грушу в сетке. Мальчик узнал свою грушу, ему было стыдно, и он убежал. В сущности, это довольно грустный рассказ. Таким образом, автор хотел дать понять, сколько же берет директор детского сада, если воспитательница берет грушу домой?»¹. Как видно, авторская когнитивно-модальная информация, актуализированная в подтексте, помогает адресату сформулировать основной смысл высказывания. В связи с этим происходит смещение акцентов, текст актуализирует в себе разнообразие мировоззренческого ориентира автора.

Ю.М. Лотман обстоятельно описал в разных конструкциях «онтологическое свойство любого текста (прежде всего художественного), определяющее ее «вписанность» в процесс литературной эволюции. С позиции теории информации интертекстуальность – это способность текста накапливать информацию не только за счет непосредственного опыта, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов.

В семантическом плане считается, что интертекстуальность – способность текста формулировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. В культурологическом смысле интертекстуальность соотносима с понятием культурной традиции семиотической памяти культуры [Лотман 1996:4]. К этим понятиям можно отнести прецедентные тексты, хорошо известные как явления данной культуры, они прецедентны в сознании среднего носителя культуры, т.е. эти «тексты» - общее достояние нации, элементы «национальной памяти» [Караулов, 1987: 216].

В действительности искандеровские произведения «Сандро из Чегема», «Созвездие Козлатура», «Кролики и удавы» и др. – как «достояние нации», «национальной памяти» - выполняют разнообразные функции. Картина мира и культуроведческий потенциал художественного произведения создаются всей совокупностью его содержательного плана, раскрывающей те явления, которые выбраны для изображения событий общественной и культурной жизни. Картина мира в художественном тексте предстает в виде культурно-прагматического пространства, включающего: окружающий мир, как видят его представители той или иной лингвокультурной общности; уклад жизни представителей этой общности; запас знаний; самосознание, представление «чужой» и «свой» лингвокультурной значимости и т.д.

В произведениях Ф. Искандера мировосприятие, индивидуально-психологические особенности, быт, нравы героев, сугубо национальны (ср.: Воздух крепкий и вкусный

1. Искандер Ф. (2015) «Начало». Журнал (АБАЗА). Сухум, сс. 23-32.

как буйволиное молоко; облако, словно овца, трется брюхом; горные вершины непрерывно курятся как трубки столетних старцев; ветры дружат как братья; мир словно молоком полит и т.д.). При этом писатель мастерски использует русскую словесную живопись. В произведениях

Ф. Искандера с большой образностью и выразительностью раскрываются важные исторические, политические и нравственные проблемы. В них отражается яркий самобытный абхазский мир, и многие представители гуманитарной науки по праву, считают его как русским писателем, так и абхазским.

В его произведениях реализуется оригинальный взгляд на историю, на сущность духовного мира человека, разворачивается философско-гуманистическая концепция личности в ее связи с современностью. И знаменательно, что подавляющая часть этих произведений пронизана национальным духом. Писатель в своем творчестве создает уникальный стиль. Он использует различные повествовательные приемы и обороты, метафорические выражения, которые унаследованы им не только от богатых традиций русских мастеров художественного слова, но и от традиций абхазской культуры и мировой литературной практики.

Абхазское национальное мышление и богатейший народный юмор, неисчерпаемые ресурсы русского языка в своем художественном соединении обусловили заслуженно высокие оценки исследователей его творчества.

Как сказано выше, несмотря на решение многих вопросов изучения теории текста, в том числе русскоязычного, до сих пор нет общепринятого подхода для выявления семантических, этнокультурных, эстетических и других функций в описании иноязычной культуры. Для многих людей Абхазия ассоциируется именно с творчеством Фазиля Абдуловича, с его именем.

В основе художественной системы Ф. Искандера лежит, как нам представляется, концепция мира и человека как диалектика «макрокосма» и «микроскосма». Больше отражается в малом подобно тому, как в капле воды отражается мир. Малое – частица большого, неповторимая, неотъемлемая.... И Бесконечное количество этих малых «неотъемлемых неповторимостей» в своем единстве составляют глубину, целесообразность, неоднозначность и, в конце концов, гармонично большого.

По Ф.Искандеру, человек – существо идеологическое. Начиная от сапожника и кончая, к примеру, философом Кантом, человек создает в своей голове образ мира – и действует в основном в согласии с этой моделью. У чегемцев «модель» особенная. Она специфична огромной мерой ответственности перед родом, семьей, другими людьми, перед неписанными законами и обычаями, установленными далекими предками. Эта модель является частью существования в чегемском мире. Большинство героев живут в ладу с законом рода, совестью. Все они составляют сложный, гармоничный мир художественной системы Фазиля Искандера. В искандеровском образном языке – скрытая сила [Габуня, Гусман 2002: 85-89].

Он мечтал о том, чтобы гуманистическая культура возглавила цивилизацию. И это, по Искандеру, спасет человечество от еще большей катастрофы в будущем.

Вместе с тем, Искандер не забывает, что в недрах духовной культуры каждого народа есть устойчивый пласт, который остается как бы неприкосновенным национальным достоянием. «Не умирайте, старики, я вас прошу, не умирайте! Любому

смыслу вопреки – живите, в шахматы играйте!...». Для него цель человечества – хороший человек, и такой другой цели не может быть.

Н.С. Выгон, рассматривая особенности эволюции мифологемы в прозе

Ф. Искандера, отмечает, что «...современное восприятие мира Ф. Искандера сложилось по сформировавшейся в его прозе за годы творчества «абхазского хронотопа» [Выгон, 1992:15].

Искандеровская Абхазия – универсальная модель, место, «где все начала и концы сходятся». Многие явления этого мира в процессе воплощения авторских идей приобрели дополнительную смысловую нагрузку образными номинациями, которые определяют структуру абхазского космоса. Мощное воздействие национального фольклора и философичность юмористического мироощущения Искандера позволяют говорить о мифологизме его художественного мышления [Выгон, 1992:15]. Следуя высказанным мыслям, исследование показывает, что языковое сознание автора – билингва Ф.Искандера является гетерогенным и представляет собой гибридную структуру, содержит несколько знаковых систем и этим обеспечивает поликультурное развитие языковой личности. Анализ текстов Ф. Искандера, выступающего в качестве посредника нового типа художественного творчества и межкультурной коммуникации, усиливает внимание к когнитивно-социальному познанию для понимания информации и картины мира определенного этноса. В искандеровском образном языке – огромный внутренний дух, неповторимая сила. Синергетика произведений писателя создает энергию вдохновения. Его любимый многоязычный Сухум и в прошлом, и в настоящем, и в будущем – многоголосное сообщество. «Я с детства привык к нашему маленькому Вавилону. Я привык слышать в воздухе родины абхазскую речь, русскую речь, грузинскую речь, греческую речь, эндурскую речь (да-да, дядя Сандро, эндурскую тоже), и теперь, когда из этого сладостного многоголосия, из брызжущего свежестью щебета народов выброшены привычные голоса, нет радости слуху моему. Нет упоения воздухом родины...»².

Фазиль Искандер важными компонентами человеческой жизни выделяет государство – политику – власть. Чтобы выжить в двадцать первом веке, по Искандеру, человечество должно сменить классическую политику хитрости на политику совестливости, т.е. политику отсутствия политики. Экономика без базиса – совесть – это зверинец с открытыми клетками, это мы видим сегодня у нас.... Нас ждут трагические неудачи, пока мы не осознаем, что базисом, фундаментом человеческой жизни и целью государства является совесть.

Искандер в «Кроliках и удавах» главным злом в жизни общества, отдельного человека, одним из величайших грехов признает предательство. «Предательство – это убивать, только не своими руками... Грубость всякого предательства ощущает только сам преданный. Поэтому любой преданный предатель, вспоминая свои ощущения, когда он предавал, а сравнивая их со своими ощущениями, когда он предан, с полной искренностью думает: все-таки у меня это было не так низко... Что может быть унижительнее для предавшего, чем сознание того, что его предательством не смогли как следует воспользоваться» [Искандер, 1991: 305]. У Ф. Искандера всегда

2. Искандер Ф. (1999) Харлампо и Диспино. М., С. 341-345

предельная точность и логичность изложения переживаемых событий, открытая позиция: «Пока человек играет со злом, он теряет святую брезгливость, которой одарила нас природа. Вот почему предателям всегда платят вперед, и всегда платят так позорно» [Искандер 1991:34]. Писатель считает, что «базисом человека и человеческого общества является совесть». Причем, по Искандеру, совестью должен обладать не только человек, но и совестью должно обладать государство, в котором он живет; выявляет модель социальных отношений «народ и руководство», «личность и власть», «государство и политика» и др.

Таким образом, основной темой творчества русскоязычных писателей остается жизнь и культура родного народа. Они усваивают опыт русской литературы и синтезируют его, опираясь при этом на собственные культурные традиции. Благодаря русскоязычным писателям, читатель получает возможность до конца понять всю глубину художественного замысла национального произведения без посредничества переводчика и в полную меру проникнуть в его национальную культуру и языковую систему. Концептуальная модель русскоязычного текста в будущем займет особое место со своей множественностью подходов и направлений, дополняющих друг друга и способствующих раскрытию его природы в лингвокультурологическом, социально-психологическом и антропологическом планах.

Исходя из выше изложенного, русскоязычный художественный текст должен рассматриваться как новый тип творчества в русской культуре XX –го столетия. Это, на наш взгляд, та основа, на которой под новым углом зрения можно рассматривать творчество Фазиля Искандера, выдающегося писателя XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЙТМАТОВ Ч. (1972) Речь на V съезде Союза писателей СССР (26.06.1972) Советский писатель, Москва.
- АЙТМАТОВ Ч. (1967) Социолингвистическое, национальное //Дружба народов, Москва. № 3.
- ВАСИЛЬЕВА В. В. (1999) Интерпретация как форма существования текста (к постановке проблемы) // Проблемы межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр., Пермь.
- ВЫГОН Н.С. (1992) Художественный мир прозы Ф.Искандера, Москва.
- ВЫГОН Н.С. (1992) Художественный мир прозы Ф. Искандера, Москва.
- ГАБУНИЯ З.М., ГУСМАН ТИРАДО Р. (2002) Культурологический аспект перевода художественного текста // Материалы Всероссийской конференции «Сопоставительная филология и полилингвизм», Казань.
- ГАМЗАТОВ Г.Г. (2000) Дагестанский феномен возрождения, Махачкала.
- ГУСЕЙНОВ Г.О. (1987) О двуязычии в художественном творчестве: История, теория практики // Вопросы литературы, Москва, 12.
- ЕРОФЕЕВ В. (2016) Известия, Москва, 31 июля.
- ИСКАНДЕР Ф. (1991) Сандро из Чегема, Москва, Избранное, 262.
- ИСКАНДЕР Ф. (1991) Кролики и удавы, Москва, Избранное. 161.
- ИСКАНДЕР Ф. (1999) Харлампо и Диспино. Москва, сс. 341-345.

- ИСКАНДЕР Ф. (2015) «Начало». Журнал (АБАЗА), Сухум, сс. 23-32.
 КАРАУЛОВ Ю.Н. (1987) Русский язык и языковая личность, Москва, С. 216.
 КЛИМОВ Г.А.(1973) Очерки общей теории эргативности, Москва. сс.97-110.
 ЛОТМАН Ю.М. (1981) Текст в тексте // Труды по знаковым системам, Тарту, С.10.
 ЛОТМАН Ю.М. (1996) Москва, С. 4.
 МИХАЙЛОВСКАЯ Н.Г. (1979) О проблеме художественно-литературного двуязычия//
 вопросы двуязычия // Вопросы языкознания - N 2: С. 40.
 МИХАЙЛОВСКАЯ Н.Г. (1981) О литературном билингвизме в советской литературе // Известия АН. СССР, Том 40, С.18.

BIBLIOGRAPHY

- АЙТМАТОВ Ш. (1972) Oratio ad V Congressum Unionem scriptores INSECTA (26.06.1972) – Fontes iuris germanici antiqui scriptor, Moscoviae.
 АЙТМАТОВ Ш. (1967) Sociolinguistic, national //Amicitiam populi in Moscoviae. N. 3.
 GABUNIA Z. M., GUZMAN TIRADO R. (2002) Culturae aspectus translatio litterarum textus // rebus omnibus-Russia colloquium "Comparative Philologia et multilingualism" - Kazan.
 GAMZATOV G. G. (2000) in Dagestan dictae revocata. Makhachkala.
 GUSEINOV G. O. (1987) in bilingualism in arte: Historia, theoria, praxis // Quaestiones de litteris. Moscoviae, 12.
 EROVEEV V. (2016) Izvestia, Moscoviae, July 31.
 ISKANDER F. (1991) Sandro de Chegem, Moscoviae, favorites, 262.
 ISKANDER F. (1991) Pulchritudinem et bestia, Moscoviae, favorites. 161.
 ISKANDER F. (1999), Harlano et Despina. M., pp. 341-345.
 ISKANDER F. (2015) "In Principio". Log (АБАЗА). Sukhum, pp. 23-32.
 КАРАУЛОВ Ю. Н. (1987) Russian lingua et linguae personalitatem. Moscoviae, P. 216.
 КЛИМОВ Г. А. (1973) in fit in Generali theoria ergatives. Moscow. SS.97-110.
 ЛОТМАН Ю.М. (1981) Text text // Operatur in signum ratio. Tartu, P. 10.
 ЛОТМАН Ю. М. (1996), P. 4.
 МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г. (1979) In quaestionem artis et litterarum bilingualism// bilingualism // quaestiones de grammatica - N 2: p. 40.
 МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г. (1981) In litterarum bilingualism, in Fontes iuris germanici antiqui litterarum // fama Academiae Scientiarum. INSECTA, Volume 40, p. 18.
 VASILIEV V. V. (1999) Interpretatio, sicut forma existentiam text (quaestio dictum) // Quaestiones de fecunde communicatio: mezhvuz. SB. nauch. Tr. Perm.
 ВЬГОН Н. С. (1992) Artis mundo prosa per F. Iskander, Moscoviae.
 ВЬГОН Н. С. (1992) Artis mundo prosa per F. Iskander, Moscoviae.